

Е. Э. ГРАНСТРЕМ

К вопросу о происхождении глаголической азбуки

Проблемы происхождения и истории развития славянского письма в древнейшее время в советской исторической литературе освещены сравнительно мало. После выхода в свет в 1928 году труда акад. Е. Ф. Карского „Славянская кирилловская палеография“ новое пособие по палеографии — „Курс русской палеографии“ Н. С. Чаева и Л. В. Черепнина¹ — появилось только в 1947 году. В советских исторических журналах статьи, посвященные истории славянских письмен, появляются крайне редко.

Между тем кирилло-мефодиевский вопрос — один из важнейших в истории славянской культуры. Литература о деятельности Кирилла и Мефодия очень велика как на русском, так и на иностранных языках. Ввиду того, что исторические источники, касающиеся Кирилла и Мефодия, являются источниками особого порядка, именно — памятниками агнографии, исследование их затруднено и дает повод к разнообразным толкованиям и гипотезам. Рукописей, относящихся к периоду деятельности Кирилла и Мефодия, не сохранилось; древнейшие памятники славянского письма датируются второй половиной X века.

Деятельность Кирилла и Мефодия теснейшим образом связана с началом борьбы западного славянства с немецкой агрессией. Поэтому вопрос о возникновении письменности у славян, самобытности их культуры вызывает в буржуазной историографии не только разнообразные гипотезы и ожесточенную дискуссию, но и попытки подтасовки фактов, тенденциозного изложения их, подчас — прямые усилия фальсифицировать историю.²

Проблема происхождения славянского письма не может быть разрешена без рассмотрения деятельности Кирилла и Мефодия. Возникновение самих азбук, глаголической и кирилловской, как более узкий вопрос, принадлежащий скорее к вспомогательной исторической дисциплине — палеографии, привлекало к себе меньше внимания и не вызывало столь ожесточенных дискуссий. Но, к сожалению, даже в лучших трудах буржуазных ученых, посвященных истории славянского письма, имеет место упрощенное изложение истории возникновения славянских азбук. Это обстоятельство несомненно вызвано некоторым пренебрежением, равнодушием к истории письма, как вспомогательной историко-филоло-

¹ Хотя работа Чаева и Черепнина представляет собой компилятивный учебник, однако мы считаем необходимым упоминать его наряду с самостоятельными исследованиями.

² См.: Ф. М. Россейкин. Буржуазная историография о византино-моравских отношениях в середине IX в. Византийский временник, т. III, 1950, стр. 245—257.

гической дисциплине, в результате чего история славянской письменности обедняется.

В задачу настоящей небольшой работы не входит рассмотрение возникновения письменности у славян, тем более — возникновения письменности на Руси. Советской наукой установлено,¹ что письменность на Руси, а также и у других славянских народов, существовала ранее принятия христианства, т. е. до той даты, которая безоговорочно принята в трудах буржуазных исследователей. Однако, ввиду тех обстоятельств, которые затрудняют изучение древнейшего периода истории славянской письменности (отсутствие памятников, скудость и своеобразный характер исторических источников), донныне остается неразрешенным вопрос о старшинстве одной славянской азбуки перед другой такой же, а также вопрос об источнике глаголицы.

Настоящая статья и посвящена происхождению глаголицы.

Все труды, в той или иной мере касающиеся истории славянских письмен, могут быть разделены на две группы: авторы одних считают изобретением Кирилла кириллицу, авторы других являются убежденными сторонниками старшинства глаголицы и приписывают Кириллу изобретение именно глаголической азбуки. И то, и другое мнения являются спорными потому, что, как уже указано, славянских рукописей середины IX века не сохранилось, и потому, что в источниках нет прямых указаний на то, какая именно азбука была составлена Кириллом „по чину греческих письмен“. Поэтому вопрос о старшинстве одной славянской азбуки перед другой решается в настоящее время скорее с помощью субъективных взглядов исследователя, нежели путем научного доказательства.

Что касается до установления источника глаголической азбуки, то распространено мнение, что образцом для глаголической азбуки послужил один из употреблявшихся в византийской письменности типов письма, а именно византийский минускул, или, как называет это письмо подавляющее большинство русских исследователей, греческая скоропись.

Следовательно, для обеих славянских азбук устанавливается греческий (точнее — византийский) источник: кириллица изображается как „сколок“ с византийского унциала, глаголица — как подражание византийскому минускулу (см. рис. 1 и 2). Таким образом происхождение славянского письма выглядит чрезвычайно простым и греческий источник славянских письмен не подвергается сомнению.² Соответственно, древнейшие славянские рукописи (как кирилловские, так и глаголические) представляются лишь как памятники, продолжающие традицию византийской книги. Однако для истории славянской культуры важно установить, как рано и в каком направлении прежде всего проявляется самостоятельное графическое творчество славян, подчеркнуть особенности древнейших славяно-русских рукописей именно как памятников славяно-русской письменности, развивающейся независимо от византийской письменности.

В настоящее время наиболее распространенным является мнение, что именно глаголица была изобретением Кирилла, именно глаголица была первой славянской азбукой, кириллица же возникла и получила

¹ См.: Д. С. Лихачев. Исторические предпосылки возникновения русской письменности и русской литературы. Вопросы истории, № 12, 1951, стр. 30—54; П. Я. Черных. Язык и письмо. История культуры древней Руси, т. II. М.—Л., 1951, стр. 114.

² См.: В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии. М., 1918; С. М. Кульбакин. Древне-церковно-славянский язык. Изд. 3-е, Харьков, 1917; Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. М.—Л., 1928; J. Vajs. Rukověť hláholské paleografie. Praha, 1932; указанный труд Чаева и Черепнина; И. В. Ягич. Глаголическое письмо. СПб., 1911, и др.

свое название позднее.¹ Однако проблема эта столь сложна, особенно ввиду недостатка памятников и неудовлетворительного состояния источников, что даже убежденные сторонники старшинства глаголицы высказываются по этому поводу, как и по поводу происхождения глаголицы от византийского минускула, крайне осторожно. Так, С. М. Кульбакин в своем труде „Древне-церковно-славянский язык“ (на стр. 20) отмечает, что „остается наиболее правдоподобной мысль о перделке глаголицы из греческой скорописи“. В. Н. Щепкин, являющийся одним из рьяных защитников первенства глаголицы, пишет: „Мы уверены только в том, что дошедший материал не допускает иного, более вероятного вывода, но не можем утверждать, что этот материал вообще достаточен для полного обнаружения истины“.²

Уже одно рассмотрение истории вопроса о глаголице показывает, насколько спорным может быть его решение. В задачи настоящей работы не входит разбор высказываний по поводу глаголицы. В трудах Ягича и Вайс имеется полный и тщательно сделанный обзор литературы, анализ разнообразных гипотез о происхождении как глаголической азбуки в целом, так и отдельных ее букв. Здесь достаточно лишь отметить, что попытки объяснения глаголических начертаний формами греческого минускульного письма начались еще в конце XVIII века; одни исследователи признавали сопоставления тех и других начертаний удачными и не оставляющими никаких сомнений в зависимости одной формы от другой; другие же, наоборот, — полностью отрицали сходство; делались попытки вывести глаголические формы букв из кириллицы, из некоторых восточных алфавитов (например из коптского, еврейского).

Зависимость глаголической азбуки от византийского минускула исследователи пытаются доказать, во-первых, построением таблиц, где сопоставляются глаголические начертания с буквами греческого минускула. Такие таблицы имеются у Тэйлора, архимандрита Амфилохия, Ягича (рис. 3),³ Щепкина, Чаева и Черепнина. В этих таблицах обычно допускаются натяжки, так как, по словам акад. Е. Ф. Карского, без большого воображения глаголические начертания не могут быть выведены из букв минускула; натяжкой является также предположение, что в византийском минускуле существовали сочетания букв, невозможные в греческом языке (лигатура ϠϠ). В этих же таблицах подчас просто неверно подобраны факты. Так, предполагается, что образцами для глаголических „Ѡ“ и „ѡ“ послужили греческие минускульные буквы α и λ. Но формы этих букв, приводимые в таблицах (например в „Курсе русской палеографии“ Чаева и Черепнина и в таблицах Ягича, прилагаемых к настоящей работе), были неупотребительны в византийском минускульном письме IX века и появились позднее или же встречались в курсиве. Во-вторых, утверждают, что глаголическое письмо есть письмо „стилизованное“ в духе (или по образцу) византийского минускула, что обилие лигатур, вязей, обилие округлостей, петель, дуг и т. п. в византийском минускуле „побудило“, как говорит В. Н. Щепкин, Кирилла к подобной же стилизации глаголических букв. „Стилизация“ глаголических начертаний в духе византийского минускула при-

¹ См.: J. Vajs. Rukověť hláholské paleografie. 1932; С. М. Кульбакин. Древне-церковно-славянский язык. 1917; Н. С. Чаев и Л. В. Черепнин. Курс русской палеографии. 1947.

² В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии, стр. 16.

³ И. В. Ягич. Глаголическое письмо. Серия „Энциклопедия славянской филологии“, вып. 3, II, СПб., 1911, стр. 87.

знается почти всеми авторами, в работах которых так или иначе упоминается о происхождении глаголицы.

Целью данной работы, наоборот, является доказательство противоположного взгляда — именно положения, что вопрос о зависимости глаголической азбуки от средневекового греческого письма должен быть пересмотрен, что в глаголических рукописях древнейшего периода (подлежат рассмотрению лишь памятники X—XI веков) не может быть обнаружено никаких следов влияния минускульного письма; эти рукописи говорят лишь о связях с византийским унциальным письмом, на что указывали уже некоторые исследователи.¹

Прежде всего во всех высказываниях о происхождении глаголицы греческого минускула приходится отметить неточность и неясность от терминологии. Греческое письмо, послужившее якобы образцом для создания первой славянской азбуки, определяется по-разному. Одни авторы называют его скорописью, или курсивом (Щепкин, Кульбакин, Чаев и Черепнин), другие — строчным письмом (Карский), наконец, третьи употребляют термин, принятый в трудах по греческой палеографии, — минускул (Ягич, Вайс).

Но недостаток заключается не столько в неправильном употреблении термина, сколько в том, что ни в одном труде не имеется определения минускула как типа письма, не выясняются характерные его особенности, не устанавливаются наиболее важные отличительные его черты. При доказательстве зависимости глаголицы от греческого минускула обычно отправляются от глаголицы к минускулу, не выясняя, насколько характерные черты минускула отразились в глаголическом письме, и отразились ли вообще. Недостаточно устанавливать зависимость одного письма от другого лишь с помощью выведения начертаний первого из форм последнего, недостаточно утверждать наличие „стилизации“ букв в подражание предполагаемому образцу. Необходимо выяснить, как именно отразились характерные особенности одного письма в другом. Для этого следует сперва с достаточной полнотой определить византийский минускул.

До VIII—IX века в византийской письменности существовали два типа письма: унциал (по обычной терминологии русских работ — устав) и курсив, или скоропись. Унциал употреблялся только как книжное письмо; в качестве такового для него характерно стремление к четкости и красоте; буквы унциала пишутся отдельно, лигатуры почти не употребительны. Унциал есть письмо маюскульное, т. е. письмо, буквы которого заключены между двумя мысленно проводимыми параллельными линиями, за пределы которых не выбрасываются никакие элементы букв, существенно важные для их определения.² Отдельные буквы выбрасывают некоторые элементы за пределы этих мысленных линий (хвостики ζ, ψ, φ, χ), но они не имеют значения для характеристики данной буквы, которая легко определяется по основной ее части, заключенной между двумя линиями. Надстрочные знаки — придыхания и ударения — в византийском унциальном письме VIII—IX веков употребляются редко и нерегулярно; форма придыханий своеобразна — они напоминают молоточки, в иных случаях — лепестки (см., например, рис. 4). Курсив, напротив, употреблялся как канцелярское, обиходное письмо, для написания документов, беглых записей, не предназначен-

¹ См., например: А. И. Соболевский и Г. Ф. Черетели. Образцы греческого уставного письма по преимуществу IX—X века. СПб., 1913, стр. 1.

² О. А. Добиаш-Рождественская. История письма в средние века. Изд. 2-е, Л., 1936, стр. 57.

Греческая кириллица и латинизированные буквы VIII-IX-X стол.		Глагольные буквы древнейшего кириллицы X-XI стол.	Славянские буквы древнейшего кириллицы X-XI стол.	Греческие унциальные буквы IX стол.
а	α α α α α α α α α α	† † † † † † † †	Α Α Α Α Α Α Α	α α
β β β β β β β β β	β β β β β β β β β β β β β β β	ϐ ϐ ϐ ϐ ϐ ϐ	Β Β Β Β Β Β Β Β	β β β β
	β β β β β	β β β β β β β β	Β Β Β Β Β	β β
γ γ γ γ γ γ	γ γ γ γ γ γ γ γ γ γ	ϒ ϒ ϒ ϒ ϒ ϒ ϒ	Γ Γ Γ Γ	γ γ
δ δ δ δ δ δ	δ δ δ δ δ δ δ δ δ δ	ϛ ϛ ϛ ϛ ϛ ϛ ϛ	Δ Δ Δ Δ	δ δ
	δ δ δ δ δ	δ δ δ δ δ δ δ δ	Δ Δ Δ Δ Δ	δ δ
ε ε ε ε ε ε	ε ε ε ε ε ε ε ε ε ε	Ϝ Ϝ Ϝ Ϝ Ϝ Ϝ	Ε Ε Ε Ε Ε Η Η Η Η	ε ε
	ε ε ε ε ε	ε ε ε ε ε ε ε ε ε ε ε	Ζ Ζ Ζ Ζ Ζ	
θ θ θ θ θ θ	θ θ θ θ θ θ θ θ θ θ	Ϟ Ϟ Ϟ Ϟ Ϟ Ϟ Ϟ Ϟ Ϟ Ϟ	Ϡ Ϡ Ϡ Ϡ Ϡ Ϡ Ϡ Ϡ Ϡ Ϡ	θ θ
ζ ζ ζ ζ ζ ζ	ζ ζ ζ ζ ζ ζ ζ ζ ζ ζ	ϟ ϟ ϟ ϟ ϟ ϟ ϟ ϟ ϟ ϟ	Ζ Ζ Ζ Ζ Ζ Ζ Ζ Ζ Ζ Ζ	ζ ζ
	ζ ζ ζ ζ ζ	ζ ζ ζ ζ ζ ζ ζ ζ ζ ζ ζ	Ζ Ζ Ζ Ζ Ζ Ζ Ζ Ζ Ζ Ζ	ζ ζ
ι ι ι ι ι ι	ι ι ι ι ι ι ι ι ι ι	Ϡ Ϡ Ϡ Ϡ Ϡ Ϡ Ϡ Ϡ Ϡ Ϡ Ϡ Ϡ Ϡ Ϡ Ϡ	Ι Ι Ι Ι Ι Ι Ι Ι Ι Ι	ι ι
η η η η η η	η η η η η η η η η η	Ϛ Ϛ Ϛ Ϛ Ϛ	Η Η Η Η Η	η η η η

Рис. 3. Сравнительные таблицы глаголицы и византийского минускула, составленные И. В. Ягичем.

Энциклопедия славянской филологии Вып. 3, СПб., 1911, стр. 87.

ных для длительного существования. Курсивное письмо есть письмо связанное, изобилующее лигатурами; оно, вследствие своей беглости и связности начертаний, предоставляло большую свободу индивидуальной манере писца в письме, в начертаниях, а поэтому курсив представляет большие трудности для чтения, нежели унциал.

Как унциал, так и курсив, обладали существенными недостатками и значительными достоинствами. Достоинствами унциала были его четкость и красота, но именно эти качества делали унциал более медленным и трудным для написания. Важным недостатком являлось то, что для унциала как письма отдельного требовалось много писчего материала, пергамен же был всегда дорог. В VII веке писчий материал стал еще дороже, так как после завоевания Египта арабами в середине VII века вывоз папируса из Египта в Византию почти прекратился. Наоборот, курсиву при беглости написания, быстроте процесса письма и большей убористости не хватало четкости начертаний. Постепенно, в результате развития этих двух сосуществующих типов письма, возникает классическое письмо средневековья — минускул, служивший одновременно и для написания книг и как канцелярское письмо.¹

Процесс возникновения минускула в Византии приходится на VII—VIII века. К сожалению, древнейшая датированная рукопись этого типа письма помечена 835 годом, т. е. является сравнительно поздней (см. рис. 2). Отсутствие более ранних памятников следует объяснить не только тем, что VII век относится к так называемым „темным векам“ византийской истории, от которых до нас дошло вообще очень мало рукописей, но и теми общими причинами, вследствие которых от богатейшего рукописного наследия Византийской империи сохранились лишь жалкие остатки. Набеги арабов, латинское завоевание 1204 года, позднее — нашествие турок уничтожили множество византийских рукописей. Уже после турецкого завоевания рукописи гибли от небрежного хранения в греческих монастырях, где были сосредоточены рукописные собрания.

Византийский минускул представляет собой регуляризованный курсив. Почти все особенности минускула: формы букв его, лигатуры, манера связывать отдельные буквы между собой — можно найти и в курсиве. Но минускул — письмо книжное, в нем не допускается проявление индивидуальной манеры писца, а потому все начертания минускула строго регуляризованы. Влияние унциала при развитии минускула из курсива сказалось лишь в смысле упорядочения и регуляризации письма, но не в смысле заимствования отдельных форм.² От унциала минускул отличается прежде всего тем, что буквы его расположены по четырехлинейной сетке, т. е. буквы минускула заключены между четырьмя мысленно проводимыми горизонтальными линиями, из которых две внутренние заключают между собой тельце буквы, а две внешние — петли и дуги, существенно важные для характеристики каждой отдельной буквы.

Это возникшее в VIII веке на основе курсива книжное письмо не сразу завоевало себе права, равные с издавна употреблявшимся в качестве книжного письма унциалом. Известное еще в эллинистической

¹ Одновременно тот же процесс развития минускула происходит и на Западе, но там влияние унциала было заметнее.

² Византийские авторы определяли писание минускулом как *συνεπιγραφειν*, т. е. письмо связанное, производимое одним движением, без отрыва пера от пергамента. (T. W. Allen. The origin of the greek minuscule hand. Journal of Hellenic Studies, vol. XL, 1920, стр. 1—12).

письменности (на папирусе) употребление различных типов письма (именно — делового и книжного) для различных нужд, для текстов разного содержания и разного назначения имело место и в византийской письменности, где получило дальнейшее развитие. С IX века, после появления минускула, унциал, особенно пышный, так называемый литургический унциал, рассматривается как единственное письмо, пригодное для написания литургических текстов; литургические рукописи, служившие предметом культа, внешним видом должны были соответствовать пышной и торжественной обстановке церкви. Лишь очень постепенно, не ранее X—XI века, унциал уступает свои функции литургического письма минускулу; в свою очередь минускул в качестве литургического письма приобретает своеобразные черты, отличающие его от минускула, которым переписывали кодексы светского содержания. Этот несколько манерный и вычурный литургический минускул был в употреблении у монахов афонских монастырей еще в XVII веке. В IX же веке минускул рассматривался как письмо скорее светское, непригодное для переписки богослужебных книг. То обстоятельство, что древнейшая датированная минускульная рукопись содержит четвероевангелие лишь, подтверждает светский характер минускула. В IX веке для богослужения предназначались евангелия-апракос, где текст располагался в соответствии с церковными службами, распределенными по дням года. Четвероевангелия, текст которых располагался по четырем евангелистам в связном изложении, служили книгой для чтения, для обучения, но не для богослужения, хотя и могли быть для этой цели использованы. Не случайно в Паннонском житии Кирилла указано, что в первую очередь на славянский язык было переведено евангелие-апракос, т. е. текст, практически нужный при отправлении церковных служб.

Таким образом, ввиду существовавшего в Византии применения разных типов письма для различных надобностей, нельзя ожидать, чтобы в качестве образца для вновь создаваемого славянского письма, которое должно было обслуживать именно церковь, было бы взято то письмо, которое не употреблялось в византийской письменности для переписки богослужебных рукописей. Это основное соображение, являющееся, между прочим, веским доводом в пользу кириллицы, как изобретенной Кириллом азбуки, подтверждается рассмотрением и сравнением формальных особенностей глаголического и минускульного письма.

Помимо расположения букв по четырехлинейной сетке, византийскому минускулу присущи, во-первых, связность написания и часто употребляемые лигатуры (в славянской письменности, особенно в русской, из лигатур позднее развился один из важнейших элементов украшения рукописной книги — вязь); связность написания подчеркивает зависимость минускула от курсива. Во-вторых, минускулу присуща характерная форма придыханий. Уже в древнейших минускульных рукописях надстрочные знаки употребляются более или менее систематически, тогда как в унциальных рукописях IX века употребление их случайно. Формы ударений не характерны, формы же придыханий древнейших минускульных рукописей резко отличны от форм придыханий в унциальном письме. В минускуле они представляют собой отчетливо выраженные половинки буквы *Н*. И, наконец, в-третьих, минускулу присуща развитая система сокращений, употребляющая специальные значки для отдельных букв и слогов, а также цельных слов.

Принятое в буржуазной палеографической литературе почти безоговорочно мнение о зависимости глаголической азбуки от византийского

σοφῶν καὶ
τῆς συνέσι
των συνέσι
αὐτοῦ κρυφῶ
υαίτοις βαρε
ως ποιοῦσιν
βουλήν καὶ
διακῶν διεν
ιερῶν βου
λήν ποιοῦν
τες καὶ ἐστὶ
ἐν σκότειτα
ἐργα αὐτῶν
καὶ ἐροῦσιν
τίς ἡμᾶς σω
ρακεν καὶ τίς
ἡμᾶς γνώσει
ἢ ἡμεῖς ποι

οῦμεν ἢ ὕχως
ὁ πῆλος τοῦ κε
ραμῆως λογι
σθῆσιν φεμῆ
ερεῖτο πλάσμα
τῶν πλάσμη
αὐτῶν ἢ οὐσιν
με πλάσμη
καὶ το ποῖν
ματῶ ποῖν καὶ
οὐσιν τῶν
με ποῖν καὶ
οὐχί ἐτιμῆσιν
καὶ μετὰ τῆ
φῆσιν τῶν ὀλίβα
νωσιν τῶν ὀροσ
το χερμῆσιν
ὁ χερμῆσιν

Рис. 4. Образец византийского унциала. Рукопись X века.

Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (шифр: греч. № 52, лист 1 об.).

минускула предполагает, что в глаголическом письме проявляются и легко могут быть обнаружены характерные черты византийского минускула. Установления сходства между некоторыми буквами того и другого письма недостаточно; как уже указано, эти попытки субъективны, подчас ошибочны. Рассмотрение же глаголических рукописей с точки зрения обнаружения в них характерных для византийского минускула черт доказывает, что в глаголическом письме X—XI веков нет никаких признаков, органически присущих византийскому минускулу и принципиально отличающих его от других типов письма. Так, важнейший признак минускульного письма — четырехлинейность — в глаголице отсутствует. Глаголица древнейших рукописей X—XII веков — письмо маюскульное. Дело здесь заключается не в том, что глаголица, по выражению некоторых палеографов, „заимствовала у кириллицы уставный характер начертаний“, а в том, что буквы глаголических рукописей заключены между двумя мысленно проводимыми параллельными линиями. Этот принцип выдержан во всех памятниках с небольшими лишь исключениями, не нарушающими общего правила, так же как удлиненные хвосты некоторых букв унциала (ζ, ψ, φ, χ) не нарушают основного принципа маюскульного письма — двухлинейности. Лишь значительно позже, насколько удалось проследить, в XIV—XV веках глаголица становится письмом минускульным.

Перейдем ко второй из указанных выше характерных для минускула черт — наличию округлостей, петель, вязей, лигатур в глаголице и в минускуле. На этом признаке основываются в первую очередь, говоря о зависимости глаголицы от минускула; именно в этом усматривается обычно наибольшее и несомненное сходство того и другого письма. Глаголица рассматривается как стилизация греческой скорописи (т. е. минускула) с помощью увеличения числа округлостей, дуг, петель, которые якобы присутствуют в греческом минускуле в изобилии. Для глаза, не привыкшего читать минускульную греческую рукопись IX века, наличие „округлостей и петель“ в этом письме несомненно. Однако эти округлости и петли минускула принципиально отличны от петель глаголицы и несут совершенно иную функцию в письме. При внимательном рассмотрении форм букв византийского минускула древнейшего периода (так называемый чистый минускул, см. рис. 2) выясняется, что в этом письме нет ни одной округлости, ни одной петли, которая не являлась бы результатом стремления писца ускорить процесс письма, упростить его. Каждая форма строго рационализирована в смысле максимального сокращения времени, труда, экономии материала. Лигатуры и вязи образуются лишь в результате стремления писать связно, не отрывая пера от пергамента, чем облегчается и ускоряется процесс письма. Буквы унциальной рукописи стоят отдельно, лишь в редких случаях здесь можно встретить лигатуру. Лигатуры минускула всегда представляют собой результат слияния двух соседних букв в одно неразрывное целое. Несомненно, грамотному византийскому обществу VIII—IX веков, когда минускул был еще графическим нововведением, была отчетливо ясна эта особенность минускула, родившегося (как указано выше) вследствие необходимости найти более убористое и быстрое книжное письмо, лишенное недостатков унциала. Напротив, глаголица X—XI веков есть письмо раздельное, в котором лигатуры употребляются редко и мало. Каждая петля глаголической буквы представляет собой некоторый самостоятельный ее элемент, а не возникает вследствие лигатуры или вязи. В. Н. Щепкин утверждает, что именно наличие лигатур „побудило“ Кирилла придать подобные формы созда-

ваемой им славянской азбуке. Но, повторяем, византийцам была ясна строгая экономность и рациональность минускульных лигатур в противоположность раздельному унциальному письму, каждая буква которого требовала отделки в деталях (например треугольнички или капельки на концах горизонтальных линий) и, стоя отдельно от соседних букв, занимала больше места в строке. Глаголица X—XI веков есть письмо раздельное, в котором все элементы, детали букв тщательно выписываются. Раздельное написание букв, тщательная отделка деталей каждой отдельной буквы присущи унциальному письму, свойственному начальному периоду письменности средних веков — оно предшествовало минускулу в славянской и латинской письменности, в Византии, Грузии.

Таким образом и этот важнейший довод в защиту зависимости глаголицы от минускула не имеет под собой твердых оснований.

Следующие две характерные для византийского минускула черты в трудах, касающихся происхождения глаголицы, не упоминаются, хотя они дают дополнительный материал для доказательства того положения, что глаголическое письмо от византийского минускула не зависит.

Как уже отмечено выше, формы придыханий древнейшего минускульного письма резко отличны от придыханий, употребляемых в унциале (см. рис. 4). Однако в глаголических и кирилловских рукописях X—XI веков формы придыханий совершенно одинаковы и представляют собой унциальные формы, заимствованные из греческого унциального письма. К сожалению, роль придыханий в древнейших славянских рукописях еще не выяснена, и потому здесь приходится говорить лишь о формальном сходстве. Ни в одной глаголической рукописи X—XII веков нам не удалось найти формы придыханий, которая, подобно минускульному придыханию, изображала бы собой половинку греческой унциальной *И*.

Последней из характерных для минускула черт является употребление сокращений. Сокращения в древнейших славянских рукописях, к сожалению, совершенно не привлекают к себе внимания исследователей. В руководствах по славянской палеографии и в остальной литературе, касающейся развития славянских письмен, о системе сокращений в древних славянских рукописях в лучшем случае только упоминается. В то же время исследование системы сокращений, история развития их в славянской письменности, представляет значительный интерес.¹

В византийских унциальных рукописях число сокращений невелико; сокращаются союз *καί*, буква *υ* на конце строки (в виде горизонтальной черточки, надписанной над предыдущей буквой), священные имена (*Nomina Sacra*). Термином *Nomina Sacra* в палеографической литературе принято обозначать некоторые слова, часто встречающиеся в христианских текстах и являющиеся как бы техническими терминами христианского богословия (бог, господь, сын, Христос, Иисус, богородица, отец, мать, крест и т. д.). Слова эти сокращаются с помощью контракции, т. е. стяжения слова путем выпадения в первую очередь гласных.² Эта система сокращений священных слов в греческих текстах включала в себя 15 слов и из унциальных рукописей целиком перешла в минускульную.

¹ И. В. Ягич отмечал необходимость исследовать системы сокращений в славянских рукописях. См.: И. В. Ягич. Марийское Четвероевангелие. СПб., 1883, стр. 418.

² См.: О. А. Добиаш-Рождественская. История письма в средние века, стр. 163 сл.

Но, помимо сокращений, заимствованных из унциальных рукописей, в византийских минускульных рукописях уже в древнейший период употребляются и другие сокращения. Они представляют собой сокращения не цельных слов, но отдельных слогов или букв (α , $\alpha\iota$, $\alpha\iota\varsigma$, $\omega\nu$, $\alpha\rho$, $\eta\varsigma$) с помощью специальных значков.¹

Какие же сокращения мы находим в славянских рукописях X—XI веков? И в глаголических и в кирилловских рукописях употребляются одни и те же сокращения, представляющие заимствования из византийских унциальных рукописей, — сокращения священных слов, сокращение предлога $\omega\tau$ с помощью вынесения буквы t над буквой ω .²

Употребление сокращений в древнейших славянских рукописях X—XI веков отражает ту более древнюю стадию развития письменности, которую сами славянские азбуки уже к XI веку прошли и которая скрыта от глаз исследователя отсутствием памятных знаков. И кирилловская и глаголическая азбуки древнейших сохранившихся образцов представляют собой уже самостоятельно развивающееся национальное славянское письмо. В употреблении же сокращений мы можем еще наблюдать, как, наряду с применением системы, заимствованной из византийской письменности, определено и твердо намечается то главное направление, по которому в дальнейшем пошло развитие сокращений в славянском письме.³ Но вопрос об употреблении сокращений в славянских рукописях должен составить предмет особого исследования.

Здесь же важно лишь подчеркнуть, что сокращения, употреблявшиеся в византийских минускульных рукописях, не оставили никакого следа в славяно-русской письменности; в древнейших славяно-русских рукописях, как кирилловских, так и глаголических, употребляются одни и те же сокращения, среди которых встречаются такие, которые перешли из византийской рукописной книги, писанной унциалом.

Таким образом и в этом пункте не может быть найдено никакого подтверждения мысли о том, что глаголица зависит от византийского минускульного письма. И в глаголических и в кирилловских рукописях отражаются лишь те черты византийского средневекового письма, которые могли быть заимствованы из унциальных, но не из минускульных рукописей.

Подведем итог вышеизложенному.

Поскольку в глаголических рукописях не обнаруживается никакого влияния византийского минускула, никакого следа объективно присущих минускулу особенностей, постольку необходимо притти к выводу, что вопрос о происхождении глаголицы должен быть вновь пересмотрен; широко распространенное мнение о том, что глаголица есть „стилизация“ минускула, — неправильно. Причины возникновения глаголицы и замены ею кириллицы следует искать в той исторической обстановке, в которой приходилось действовать как самим Кириллу и Мефодию, так и их ученикам. Богослужение на славянском языке, а следовательно и славянская письменность, связанные с греческой церковью, подвергались преследованиям со стороны немецкого духовенства, а потому создатель

¹ См.: Г. Ф. Церетели. Сокращения в греческих рукописях. Изд. 2-е. СПб., 1904.

² Вынесение одной буквы над другой не является в сущности сокращением слова. Это есть лишь особый прием, с помощью которого достигается экономия писчего материала.

³ Поэтому неправ И. В. Ягич, говоря, что титлы и сокращения доказывают лишь „рабскую зависимость славянской письменности от греческой“ (см. его „Маринское Четвероевангелие“, стр. 418).

глаголицы, — кто бы он ни был, — был заинтересован не только в создании письма, которое отражало бы фонетическую систему древнеславянского языка, но он стремился также и к тому, чтобы формы букв новой азбуки были резко отличны от форм греческого алфавита.¹

Хотя в настоящее время и можно надеяться на обнаружение каких-либо доныне еще не известных рукописей или сведений о происхождении славянских азбук, тем не менее не следует пренебрегать детальным палеографическим исследованием сохранившихся памятников. Палеография, оставаясь вспомогательной историко-филологической дисциплиной, составляет также самостоятельный раздел истории культуры. Особую значимость и как вспомогательная дисциплина и как раздел истории культуры палеография приобретает в настоящее время, после выхода в свет работ товарища И. В. Сталина по языкознанию. Руководящие указания товарища Сталина о необходимости изучения языкового родства славянских народов² должны направить внимание советских языковедов и историков на древние славянские и русские рукописи, являющиеся важнейшими памятниками истории языка.

¹ На эту цель указывает акад. Е. Ф. Карский (Славянская Кирилловская палеография, стр. 360), излагая свой взгляд на происхождение глаголицы. Нельзя, однако, согласиться с мнением акад. Е. Ф. Карского, что глаголица есть „стилизация“ кириллицы.

² И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, Гослитиздат, 1951, стр. 30.

	Простые кириллические и митрофановские буквы VIII-IX-X стол.	Глаголические буквы древнейших памятников X-XI стол.	Древнерусские буквы древнейших памятников X-XI стол.	Простые византийские буквы IX стол.
а	Ⲁ Ⲁ Ⲁ Ⲁ ⲁ ⲁ ⲁ ⲁ Ⲃ Ⲃ Ⲃ Ⲃ	ⲁ ⲁ ⲁ ⲁ ⲁ ⲁ ⲁ ⲁ	Ⲁ Ⲁ Ⲁ Ⲁ Ⲁ Ⲁ	Ⲁ Ⲁ
б	Ⲃ Ⲃ Ⲃ Ⲃ ⲃ ⲃ ⲃ ⲃ Ⲅ Ⲅ Ⲅ Ⲅ	Ⲃ Ⲃ Ⲃ Ⲃ ⲃ	Ⲃ Ⲃ Ⲃ Ⲃ Ⲃ Ⲃ Ⲃ Ⲃ	Ⲃ Ⲃ Ⲃ Ⲃ
в	Ⲅ Ⲅ Ⲅ Ⲅ	Ⲅ Ⲅ Ⲅ Ⲅ Ⲅ Ⲅ Ⲅ Ⲅ	Ⲃ Ⲃ Ⲃ Ⲃ	Ⲃ
г	Ⲅ Ⲅ Ⲅ Ⲅ ⲅ ⲅ ⲅ ⲅ	Ⲅ Ⲅ Ⲅ Ⲅ Ⲅ Ⲅ Ⲅ Ⲅ	Ⲅ Ⲅ Ⲅ Ⲅ	Ⲅ
д	Ⲅ Ⲅ Ⲅ Ⲅ ⲅ ⲅ ⲅ ⲅ	Ⲅ Ⲅ Ⲅ Ⲅ Ⲅ Ⲅ Ⲅ Ⲅ	Ⲅ Ⲅ Ⲅ Ⲅ	Ⲅ Ⲅ
е	ⲅ ⲅ ⲅ ⲅ Ⲇ Ⲇ Ⲇ Ⲇ	ⲅ ⲅ ⲅ ⲅ ⲅ ⲅ ⲅ	ⲅ ⲅ ⲅ ⲅ ⲅ ⲅ Ⲇ Ⲇ	ⲅ ⲅ
ж	Ⲇ Ⲇ Ⲇ Ⲇ ⲇ ⲇ ⲇ ⲇ Ⲉ Ⲉ Ⲉ Ⲉ	Ⲇ Ⲇ Ⲇ Ⲇ Ⲇ Ⲇ ⲇ ⲇ ⲇ ⲇ	Ⲇ Ⲇ Ⲇ Ⲇ ⲇ	
з	Ⲉ Ⲉ Ⲉ Ⲉ ⲉ ⲉ ⲉ ⲉ	Ⲉ Ⲉ Ⲉ Ⲉ Ⲉ Ⲉ ⲉ ⲉ ⲉ ⲉ	Ⲉ Ⲉ	Ⲉ
и	ⲉ ⲉ ⲉ ⲉ ⲉ ⲉ Ⲋ Ⲋ Ⲋ Ⲋ	ⲉ ⲉ ⲉ ⲉ ⲉ ⲉ Ⲋ Ⲋ Ⲋ Ⲋ	ⲉ ⲉ ⲉ ⲉ Ⲋ Ⲋ Ⲋ Ⲋ	ⲉ ⲉ
к	Ⲋ Ⲋ Ⲋ Ⲋ ⲋ ⲋ ⲋ ⲋ	Ⲋ Ⲋ Ⲋ Ⲋ Ⲋ Ⲋ ⲋ ⲋ ⲋ ⲋ	Ⲋ Ⲋ Ⲋ Ⲋ ⲋ ⲋ ⲋ ⲋ	Ⲋ Ⲋ Ⲋ Ⲋ
л	ⲋ ⲋ ⲋ ⲋ Ⲍ Ⲍ Ⲍ Ⲍ	ⲋ ⲋ ⲋ ⲋ ⲋ ⲋ Ⲍ Ⲍ Ⲍ Ⲍ	ⲋ ⲋ	ⲋ
н	Ⲍ Ⲍ Ⲍ Ⲍ Ⲍ Ⲍ ⲍ ⲍ ⲍ ⲍ	Ⲍ Ⲍ Ⲍ Ⲍ Ⲍ Ⲍ ⲍ ⲍ ⲍ ⲍ	Ⲍ Ⲍ Ⲍ Ⲍ	Ⲍ

Рис. 3. Сравнительные таблицы глаголицы и византийского минускула, составленные И. В. Ягичем.

Энциклопедия славянской филологии Вып. 3, СПб., 1911, стр. 87.

со φωνη και τη εννεσι τω εννεσι αυτου κρυψα ο να τοις βαθε ρω ποιουσιν βουλην και διακουσεν ιερυφη βου λην ποιουν τες και εστα εν σκοτειτα εργαλυτων και ερουσιν τις ημας εν ραιεν και τις ημας γνωσει η αν ημεσ ποι	ου μεν ουχως ο πληροσ του κε ραιεως λογι εσ ησσε φεμι ερει το πλαιμα τω πλαισанти αυτον ου συ με ελαισασ και το ποιη ματω ποιησанти ου εννεσι με εποιησασ ουχιε τιμιε ρο και μετα τε φησεται ο βα ρωσως το ορος το χερμεα ο χερμεα εις
---	---

Рис. 4. Образец византийского унциала. Рукопись X века.

Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (шифр: греч. № 52, лист 1 об.).